

УДК 37.01

Панина Л. Ю.

В. В. РОЗАНОВ О КРИЗИСЕ КУЛЬТУРЫ И ОРГАНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. В 2022 году геополитическое противостояние России и Запада достигло своего пика. Сегодня идет борьба за новый мировой порядок. Причем в этом постглобальном, многополярном мире России важно отстоять свою самостоятельность, уникальность, субъектность. Для нашего государства это прежде всего цивилизационные, экзистенциальные вызовы. Социокультурные и политические процессы, происходящие в современной России, выявили ряд проблем этического и духовно-нравственного характера, не имевших ранее такой степени значимости и злободневности. В ситуации поиска новых ценностных ориентиров человек часто обращается к прошлому, в том числе и к богатому отечественному философско-педагогическому наследию. Русские мыслители своими трудами внесли существенный вклад в понимание основных путей развития русской культуры, а также в анализ причин кризиса образования и способов выхода из него. Наиболее интересными и плодотворными в данном аспекте являются идеи оригинального философа, публициста и писателя Василия Васильевича Розанова, чье творчество являет собой своеобразную энциклопедию духовной жизни России конца XIX – начала XX столетия. Представленные им идеи по воспитанию человека культуры, по вопросам национального воспитания, не потеряли своей актуальности для современного образования. В статье раскрываются взгляды В. В. Розанова на причины кризиса отечественного образования рубежа XIX–XX вв., а также рассматриваются его идеи о построении школы на национальных основаниях, что является сегодня особенно важным для сохранения собственной культурной и национальной идентичности.

Ключевые слова: В. В. Розанов, отечественное образование, культура, воспитание, цели воспитания, национальная школа.

Panina L. Y.

V.V. ROZANOV ON THE CRISIS OF CULTURE AND THE ORGANIZATION OF THE NATIONAL SCHOOL

Annotation. In 2022, the geopolitical confrontation between Russia and the West reached its peak. Today there is a struggle for a new world order. Moreover, in this post-global, multipolar world of Russia, it is important to defend its independence, uniqueness, subjectivity. For our state, these are primarily civilizational, existential challenges. The socio-cultural and political processes taking place in modern Russia have revealed a number of ethical and spiritual and moral problems that did not previously have such a degree of significance and urgency. In a situation of searching for

new value orientations, a person often turns to the past, including the rich Russian philosophical and pedagogical heritage. Russian Russian thinkers have made a significant contribution to the understanding of the main ways of development of Russian culture, as well as to the analysis of the causes of the crisis of education and ways out of it. The most interesting and fruitful in this aspect are the ideas of the original philosopher, publicist and writer Vasily Vasilyevich Rozanov, whose work is a kind of encyclopedia of the spiritual life of Russia in the late XIX – early XX century. The ideas presented by him on the education of a person of culture, on issues of national education, have not lost their relevance for modern education. The article reveals V.V. Rozanov's views on the causes of the crisis of domestic education at the turn of the XIX–XX centuries, and also examines his ideas about building a school on national grounds, which is especially important today for preserving one's own cultural and national identity.

Keywords: *V.V. Rozanov, domestic education, culture, upbringing, educational goals, national school.*

Введение. Пандемия коронавируса обнажила хрупкость ценностных приоритетов человечества. Известный социолог и философ современности З. Бауман отмечал: «Мечта западного человека о «лучшей жизни» расторгла свой заключенный на небесах брак с будущим. А в процессе развода мечту еще и превратили в товар, пустили по потребительским рынкам, гнусно обобрали» [Бауман, 2019, с. 105]. Возник кризис целеполагания. Реакцией на него и пандемию была книга председателя Всемирного экономического форума Клауса Шваба и Тьерри Малере «COVID-19: Великая перезагрузка», авторов которой тут же обвинили в перекраивании мирового порядка, в теории заговора.

На фоне формируемого глобальным истеблишментом «мира постправды» у населения западных стран наблюдается резкий упадок рационального мышления, а система образования «штампует» деградированный гаджето-зависимый тип потребителя информации с пониженным порогом критичного восприятия

действительности. Разгул радикального феминизма (движение Me too), черного расизма (BLM), агрессивная гендерная и зеленая повестки, диктат LGBT и других подобных меньшинств дезориентируют и хаотизируют западное общество, где нарастают раскол и сегрегация. Важнейшими факторами становятся темп и особенности деградации американского глобального геополитического потенциала.

В настоящее время глобализация в области культуры (культурная глобализация) в той форме, в которой она существует, включает в себе серьезную опасность. Она сводится к унификации национальных культур на основе западных образцов. Западная (массовая) культура преподносится как общемировая и самая прогрессивная. Односторонний характер культурного взаимодействия ведет к подавлению национальных культур, и, в конечном счете, может привести к потере национально-культурной самобытности народами.

Подобный акцент на культурной определенности тесно связан с

представлением, что в новом мире, по мнению известного американского ученого С. Хантингтона, «основные различия между людьми и между народами носят уже не идеологический, не политический, не экономический, а культурный характер» [Хантингтон, 1999, С. 532]. Растущее сопротивление процессам глобализации со стороны приверженцев национально-культурной самобытности вольно или невольно заставляет теоретиков постиндустриализма, с одной стороны, всерьез озаботиться вопросами о том, каково значение «культурных факторов» в деле установления нового мирового порядка, оценке их влияния на его конкретное содержание, а, с другой, вопросами о том, какой будет сама «культура» грядущего мира.

Одним из результатов происходящей на наших глазах глобализации общества стало резкое обострение духовного противостояния цивилизаций Востока и Запада. Дело в том, что помимо финансовой и экономической экспансии политика неоглобализма включает в себя также и *экспансию культурологическую*. Поэтому проблема выживания человека на этой планете будет решаться не в сфере политики или экономики, а в сфере культуры. Ведь именно от того, какая культура будет доминировать на Земле в результате борьбы цивилизаций Востока и Запада, и будет зависеть дальнейшая судьба человечества.

Исходя из вышесказанного, сегодня с уверенностью можно говорить о глобализации и как *условии*, и как *факторе* воспитания, определяющей изменения в воспитательном

воздействии. Другими словами, это некая внешняя для воспитания сила, принудительно трансформирующая его. Соответственно, с острой необходимостью встает вопрос о сохранении культурного своеобразия наций, которое является ее лицом, при этом основные шаги должны быть направлены в сферу образования, в частности воспитания, а именно, воспитания в духе культуры. В связи с этим в педагогической науке и практике особенно остро встает вопрос об обращении к вечным ценностям и смыслам культуры. Культура начинает рассматриваться не только как фактор, цель, условие, средство воспитания личности, но и как средство и условие сохранения нации и прогрессивного развития общества в целом.

Материалы и методы исследования. Материалами исследования послужили основные философские, публицистические и педагогические труды В. В. Розанова. Ведущими методами исследования выступает анализ научной, публицистической литературы, сравнительно-исторический, биографический и историко-логический методы, а также культурологический, региональный и аксиологический подходы, открывающие возможность выявить самое ценное в предмете исследования.

Результаты исследования. Творчество В. В. Розанова, являя собой своеобразную энциклопедию духовной жизни России конца XIX – начала XX столетия. Понимание им общественной ситуации в стране, «ощущение грядущей катастрофы» было настолько глубинным и точ-

ным, что его творчество стало ценностной системой, через которую можно рассматривать периоды цивилизационных надломов, прогнозировать их перспективы. Книги Розанова читаются как выражение российских тем и проблем, сохраняющих свою значимость и в наше время» [Розановская энциклопедия, 2008, с. 31]. Представленные В. В. Розановым идеи по воспитанию человека культуры, по вопросам национального воспитания и образования сегодня вновь востребованы и как нельзя актуальны.

Рубеж XIX–XX веков в России отмечен кардинальными социально-экономическими и политическими переменами: интенсивное развитие капиталистических отношений, введение новых способов хозяйствования и управления страной, изменение статуса России в мире и т. д. Все это не могло не отразиться и на характере образовательной ситуации. В. В. Розанов так ее охарактеризовал: «русская школа, недавняя по происхождению, не окрепшая на ногах, не имеющая за себя других аргументов кроме подражательности и традиции» [Розанов, 2009, с. 619].

Розанов анализирует принципиальные причины застоя в развитии отечественной школы: ее несамостоятельность, подражательность, копирование ложных европейских традиций и, главное, непомерное давление на нее российских государственных указов, и выясняет основания, почему, «не давая ни совершенной тени, ни совершенного света, оно порождает томительные сумерки» [Розанов, 1990, с. 27]. Происходит это потому, что наша школа «вообще

бескультурна; она бескультурна с малыми программами, как и с большими, с естественными науками, как и с древними языками. И очень ясна причина этой бескультурности» [Там же, с. 170], которая заключается в том, что способы образования отвечают в ней требованиям бюрократического удобства, деятельность министерства народного просвещения организована одинаково с остальными министерствами. Совершенно не учитывается, что МНП «имеет свою сферу область духа, трудится над умственной и нравственной стороной человека» [Там же, с. 170–171]. На уроках в школах господствует страх, сковывающий как ученика, так и учителя, и совершенствуется система обмана: подстрочники, подсказывания, притворное заикание, чтоб выиграть минуту и обмануть учителя, свидетельствуют, «что никакого в сущности просвещения не происходит», а «происходит, скорее, развращение и притупление» [Там же, с. 171].

При современном образовании главенствует «строгая внешняя абстрактная форма», которая «не видит лиц, не знает их имен, их прошедшего, их надежд на будущее» [Там же, с. 20]. Не удивительно, что подрастающие поколения демонстрируют «странную безжизненность», в них нет ядра, «из которого растет всякий дар, всякий порыв, все энергичное в действии или твердое в сопротивлении» [Там же, с. 9]. «Странная антикультурность... поражает в них: они не только не продолжают своего времени, не суть дети... XVIII – XIX веков; они и не принадлежат

ни к какой другой эпохе, не сочувствуя и не понимая более ни одной из отживших культур». «Убеждение мое, – самое глубокое, – заключается в том, что *через школы теперешнего типа происходит засыхание души человеческой и через этот процесс – засыхание самой культуры человеческой*. Цивилизация гаснет – в гимназиях, в университетах» [Розанов, 1915].

Розанов писал, что все прекрасное, живое, мудрое, поэтичное, героическое гасится в школе. «Где умирает *русский человек?* – в школе. Он перерабатывается там в «интеллигента» и в «космополита». Где умирает «поэт в зародыше»? – *в школе*. Где умирает мудрец «еще в зародыше»? – в школе. Вот погашением солнца и занимается школа, «столь культурно возделанная» [Там же]. Розанов показал, как школа, якобы старательная и внимательная к ученику, осторожно и медленно, а порой и научно, лишала его индивидуальности, превращая в шаблон: из школы выходил не «русский, а – общечеловек, 1/3 немца, 1/3 француза, 1/3 храброго римлянина, 1/3 художественного грека, 1/3 христианского попа. Вот – Закон Божий, вот – латынь, вот – алгебра» [Там же]. «А когда придвинули кусочек к кусочку, «программу по физике» к «программе по математике» и обе – к «программе по истории» и еще «к программе по русскому языку и словесности» и еще «к программе по естествоведению» и опять затем к «программе по законоведению в VIII классе», с такими в каждой «интереснейшими подробностями», без которых как же обойтись «образованному

человеку», – то и получились точка в точку:

- 1) наши гимназические программы;
- 2) где «*multa, sed non multum*»;
- 3) никогда нигде – «*repetitio*, т. е. ни в чем «основательного» знания, твердого знания. И в результате:
- 4) «балаболка», а не «образованный человек».

Получился наш «русский говоруна», на все темы, – литературная душа, словесная душа, «адвокат с маслом», а не русский спокойный ум, знающий дело свое. «О России же совсем ничто не помню. Кажется, это что-то дикое. Мы учены европейским просвещением».

С этими «сынками» России трудно. Это – не «сынки» наших родителей (дома они не таковы были), а «сынки» наших космополитических гимназий, созданных специальными учеными по стольким областям.

Розанов с грустью сетовал, что школьная машина единообразна, действует по всей Европе: и везде она подстригает «первоначальный древний рай» в человеке, преображая его в «*Unter den Linden*» в Берлине, с котками, франтами, адвокатами и профессорами. «Мы носим галстук, как все, и рыбы ни за что не станем есть ножом»: вот – *культура!* «К черту Данте и Виргилий: граммофон поет мне песенку из кафе-шантана» [Там же].

В статье «Упрощение программ» мыслитель констатировал, что культура падает, «солнце почернело и цивилизация гаснет», несмотря на то, что «типографии печатают умопомрачительное множество книг, журналов и газет» [Там же].

По мнению Розанова, «лик европейского Запада» с начала XX века «начал обратно суживаться» [Розанов, 1990, с. 89]. Быть одновременно христианином, художником и отцом семейства стало уже сложно, так как это требует больших творческих и организующих сил. А развитие государственности требует от человека усиления индивидуализма, специализации, а, следовательно, отъединенности, узости, опрощивания.

В своих работах мыслитель с тревогой писал об опасных проявлениях новой «ресторанной», «автомобильной» цивилизации, которая поглощает все человеческое, она построена на «шаблоне, схеме и фразе», массовых штампах высокой культуры: «Проговорили великие мужи. Был Шопенгауэр и «пессимизм» стал фразой» [Розанов, 1990, Уединенное, с. 124].

Размышления Розанова особенно актуальны в нашем глобализирующемся мире. Чем сильнее процессы глобализации проникают в национальные культуры, тем активнее народы стараются сохранить свою культуру, язык, религию – то, что определяет национальную идентичность. Первый раз колоссальные изменения в торговле и инвестициях возникли на рубеже XIX – XX вв., когда на международные коммуникации стали активно воздействовать пароход, телефон, автомобиль, самолет, когда увеличились железнодорожные перевозки, телеграф и электричество начали входить в повседневную жизнь сотен тысяч, а потом и миллионов людей, когда стали формироваться газетные концерны –

фабрики информации, было изобретено радио. Эти события приобрели характер мощного двигателя интеграционных процессов в мире, ломки государственных границ везде, где капитал находил свою выгоду.

Признавая Европу «самым могучим и полным» «организмом», «какой создавался когда-либо в истории», Розанов выступает с критикой европоцентризма: европейская цивилизация «неудержимо и могущественно разрастается по земле», нанося удары другим культурам, от которых остаются «только "обломки"» [Розанов, 1996, с. 220].

В конце XIX в. Запад переживает «тоску собственного европейского существования»: Все идеалы европейские замечательно кончены» [Розанов, 1990, Около, с. 56]; «старые общеевропейские лозунги, длинные и древние, – прекрасны, неоспоримы, но они просто не действуют [Розанов, 1990, Около, с. 44]. «Трещинка общеевропейского духа, сейчас наблюдаемая, и заключается в саморазочаровании. Европа утомилась собою и начала не доверять себе. Механизм гибели европейской цивилизации, христианской по сути, Розанов видит «в параличе против всякого зла», выражающемся в так называемой «христианской любви», гуманности, которые Розанов воспринимает как «лжесострадательность» [Розанов, 1990, Уединенное, с. 167], формализм, рационализм современной цивилизации порождает нарушение гармонии тела и духа.

Могущество европейской цивилизации заключается в «абстрактности улучшенных форм» «человеческого существования», но при этом в

ней чрезмерно нарушено «равновесие духовных элементов», чувствуется «странное искривление» [Розанов, 1996, с. 222]. К этому нарушению Розанов относит рационализм, понятие долга, материализм: Европа променяла свое первенство «на чечевичную похлебку» [Там же, с. 228]. Суть человека «новой культуры» Розанов видит в предпочтении технического прогресса культуре: «Мне не надо Патти, я имею граммофон. И мне не надо литературы, потому что я имею телефон» [Розанов, 1998, Сахарна, с. 77].

В Европе начала XX в. Розанов наблюдает наступление нового типа культуры – американизма, основанного на мещанстве, торговле, прагматизме, техницизме: «Европа, как и Азия, в конце концов побеждаются *Америкой*. Американизм есть принцип, как "классицизм", как "христианство"» [Розанов, 1994, Среди, с. 112], «Суть "янки" и состоит в том, что, торжественно поставив огромный сапог из американского бизона на академический стол, он увенчал его лаврами, снятыми с голов *Гомера, Данте, Шекспира, Мильтона*» [Розанов, 1994, О писателях, с. 165]. Америка представляет «собой последнюю минерализацию духа, его окостенение, "выветривание"». Народ «без воображения, без творческой фантазии, без страшного чувства ответственности», «без творчества, без идеала, без духа» [Там же, с. 166].

Действительно, глобализация связана прежде всего с американизацией (вестернизацией) – процессом распространения западных общественных практик, хозяйственных и

политических форм на остальной мир с целью формирования взаимозависимого мира под управлением США. Соответственно, с острой необходимостью встает вопрос о сохранении культурного своеобразия наций, которое является ее лицом, при этом основные шаги должны быть направлены в сферу образования, в частности, воспитания в духе культуры.

Все образовательное здание России «было антиисторическое, малокультурное, еще менее того воспитательное» [Розанов, 1901, Польза]. Молодые люди воспитываются в уединении от истории, «вне традиций своего народа, вне смысла своей религии» [Розанов, 1990, с. 11]. Классическая система образования «была без прогресса, без надежд, даже без рассмотрения, что именно делается в ней, потому что она была скопирована, а копировальщик не имеет участия в жизни образца» [Розанов, 1901, Фундамент]. Учителя не только не учили детей мыслить, размышлять, накладывали на их души разрозненные, омертвелые впечатления, но часто забывали о главном назначении школы – становлении, развитии личности, достойного гражданина своего Отечества.

Это возможно сделать только в культурной школе, где все пронизано любовью, потому что «культура начинается там, где начинается любовь, где возникает привязанность» [Розанов, 1990, с. 30]. «Культура есть синтез всего желаемого в истории: из нее ничто не исключается, в нее одинаково входят религия, государство, искусство, семья, наконец, весь склад жизни

личной и общественной» [Там же, с. 31].

Розанов говорит «о необходимости для каждого исторического народа соблюдать цельность в своем возрастании, а, следовательно, и внутреннее воздержание от заимствований» культуры иного типа, так как существует «особый для каждого народа тип развития» [Розанов, 1996, с. 200]. Розанов выступает против «механистической» западной концепции эклектичной культуры, противопоставляя ей «органический» взгляд славянофилов на историю. Тип русской культуры «проникнут началом» гармонии, доверия, цельности, соборности, примирения, что является исходом для антагонизма в истории [Розанов, 1994, с. 283]. Несмотря на малообразованность, Россия – «культурная страна по сложности истории своей, которая есть история государства, веры, искусства, народных песен, народной архитектуры и живописи, пусть лубочной – это все равно», потому что критерий культуры – не профессиональное мастерство, «арифметика, которую можно выучить в год», а духовный опыт: «Образуют культуру богатство духовного опыта, долготлетность его, сложность его. *Деревня* может быть культурнее фабрики, ибо в ней есть песня, воспоминания-история, быт, семья, деды и внуки, чего всего нет на фабрике, состоящей единственно из рабочих и нанимателей» [Розанов, 1994, О писателях, с. 165]. «Русская культура просто раздавлена, как яйцо в руках самодура-силача и ничего из этого яйца не вышло (кроме гадости), а может быть,

вышла бы Жар-птица» [Розанов, 1994, Среди, с. 155].

Именно культура являет для Розанова нравственное величие славянофилов: «Это – культура уже – не в смысле телефона, Эйфелевой башни и что теперь ездим по железным дорогам со скоростью 80 верст в час» [Розанов, 1997, с. 496]. Отношение либералов-западников к славянофилам Розанов определяет, как «антикультурность»: «В этом явлении, как, может быть, ни в каком, еще ощутимо выразилось окончательное разложение культуры» [Там же]. В истории русской культуры преобладала западная, либеральная тенденция: «Сама почва “нашего времени” испорчена, отравлена. И всякий дурной корень она жадно хватает и произрастает из него обильнейшие плоды. А добрый корень умерщвляет» [Розанов, 1990, Уединенное, с. 205].

Розанов характеризует свое время как «нервное, истерическое, полное политических миазмов, отравленное страстями, загаженное порнографией, время юных безнадежных самоубийств» [Розанов, 1909], а «сущность XIX-го века заключается в оставлении Богом человека» [Розанов, 1990, Уединенное, с. 211]. И тем не менее «русский народ и при безграмотности или малой грамотности есть уже культура, ибо культура – не в книжках, а в башке. Культура – в совести, душе, правде и Боге» [Розанов, 1997, Мимолетное, с. 355]. Русскую культуру определяет национальность: «Есть нация, есть и культура, потому что культура есть ответ нации, есть аромат ее характера, сердечного строя,

ума». Русская культура понимается как «русский дух»: «Русская культура – это покров русского духа. Нас закраивал совершенно иной портной, чем француза или немца» [Розанов, 1990, Сочинения, с. 389–390].

И только сохранив свою непохожесть, свою культуру, свою национальность, мы сохраним себя как единое целое. И прежде всего это надо делать в школе.

«Национальная школа – такая школа, в которой главным содержанием становится любящее изучение самой России» [Розанов, 1901, Национальная]. До сих пор весь материал о России, ее естественных богатствах, быте народа и государственном строе был разрознен и эпизодично входил в школьную программу. «Ничего, кроме беглых названий, сухой номенклатуры. История проходила. С литературой знакомились в образцах или в беглом очерке составителей «разных» руководств, без подлинного и полного ознакомления даже с Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем. Русский гений как бы заснул для русского юноши, или он во все для него не просыпался» [Розанов, 1901, Национальная].

Эта духовная перспектива, навязанная школою в самый восприимчивый и чуткий возраст, на мягком воске еще неокрепшей души скоро затвердеет и уже останется недвижимою во всю последующую жизнь. «Мы далеки от мысли отрицать значение древности, как и значение европейской истории, литературы, философии, науки. Но мы думаем, что прочно и правильно осесть это может только на типично сложившуюся душу. По крайней мере, от древнего

грека до современного нам англичанина, француза, немца – каждый именно в пору отрочества и первой юности воспитывался в типично национальном духе» [Розанов, 1990, с. 238].

Действительно, чуждый нам классицизм является для Англии, Франции и Германии родным, исконным. «Латинский быт, строй и культура, и, следовательно, образование есть в то же время быт и строй, и культура, и образование национально-французское, национально-немецкое, национально-английское» [Розанов, 1901, Нападки], но это латинское образование не является национально-русским образованием. Слияние французского, немецкого и английского духа с латинским продолжалось более 1500 лет. Это влияние происходило через язык, политическое устройство и управление государством, наконец, – через дух. Поэтому для этих трех стран Европы классическая школа есть национальная школа.

Почему же, живя в России, мы боимся быть русскими? «Мечтаемый юноша и мечтаемая девушка есть просто ясное бытовое явление, ясное бытовое лицо, которому приличествует в Германии быть германцем, во Франции – французом, в Англии – англичанином, и в России естественно быть русским и русскою» [Розанов, 1997, с. 31].

В наших школах и университетах часто не только не стремятся воспитывать любовь и гордость за свою родину, но и допускают по отношению к ней презрительные насмешки. Розанов приводит письмо одной курсистки, написанное в 1913 году, но не

потерявшее своей актуальности и сегодня: «Я учусь в высшем учебном заведении, откуда выходят учительницы; и вот, среди этой молодежи я до сих пор, в течение 2 ½ лет, не встретила никого, кто бы любил родину, стремился бы к тому, чтобы принести родине пользу; нет! Кругом полное равнодушие, безразличие (в лучшем случае) ко всему русскому, и с другой стороны – презрение к России, к ее якобы отсталости. Все русское гадко и смешно! И это будущие учительницы! Что они дадут детям?! Ни веры, ни любви к родине! А профессора (большинство) способствуют развитию враждебности и презрения к России, уже с первого курса начинают вставлять в свои лекции разные иронические словечки о России и русских... Но неужели же нет выхода из этого?! Ведь есть же люди, которым бесконечно дорога родина, которые болеют за нее душой?! Неужели мы, русские, не способны на борьбу за все, что дорого для нас?!» [Там же]

«Дружнее, студенты, – и да не скажет будущий историк Руси, что из университетов выходили только предатели своего народа, только пересмешники его, только «мятая солома», на которой топтались иудейские копыта... Вспомните дни старые, когда из университета, по преимуществу из московского «Благородного университетского пансиона», выходили Погодин, Жуковский, Карамзин, украшение Руси, стояние Руси, твердыня Руси. Пусть немного, всего в составе одного на сотню, а может быть и одного на тысячу, но все-таки есть однако между

сыновьями Русскими и между дочерьми Русских родителей такие, для которых Русь священна и имеет будущее, – свое Русское будущее, – а отнюдь не в качестве подстилки для двух берлинских пройдох, Лассаля и Маркса.

Становитесь на свои ноги, Русские студенты и курсистки! Думайте своей головой! Сбросьте пейсатую голову со своих плеч. Это в минуту слабости и горького исторического часа вы надели на плечи свои чужую голову и – скажу все слово, какое рвется из груди – опоганили Русь.

Ибо студенчество социал-демократическое, хотя не прямо, а косвенно находившееся на службе и содержании Генерального Берлинского штаба (через связь свою с «Интернационалом» и через потаенную, теперь раскрывшуюся, связь «Интернационала» со Штабом) – это было, конечно, опоганением родины» [Розанов, 1997, с. 29–31].

Насколько актуальны эти мысли сегодня! Только вместо немецкого влияния мы ощущаем на себе влияние американское.

В. В. Розанов искал пути нравственного и духовного оздоровления всего нашего общества, а не только какой-нибудь его сословной или классовой части. Что же он предлагал?

В фундамент грядущей школы должен быть заложен русский дух, русский способ чувствования. Взамен отвлеченной общеевропейской школы кладется продукт работы русских умов, русских усилий, русского понимания вещей. Школа должна быть единого типа, без деления на классическую и реальную.

Самой насущной мерой является увеличение часов изучения родного языка, истории, литературы, на которых самой судьбой предназначено говорить о любви к Отечеству. «Темны были в просвещении эти люди, когда, набрав немножко грамматики, немножко арифметики, прибавив к этому кой-что из географии, истории, думали, что с четырьмя своими книжками они внесут что-нибудь в душу, над изучением богатств которой трудятся первоклассные ученые» [Розанов, 1990, с. 32]. Если России «хочет стать к Западной Европе отнюдь не в рабское отношение, как культурным рабством перед немцами была наша классическая система, а в положение сотрудника, собрата, который прежде всего не теряет уважения к своему «я», который прежде всего хочет сам и через себя учиться, через свой опыт и своим собственным размышлением, то школа национальная и есть плод и программа собственного размышления» [Розанов, 1901, Нападки].

Однако Розанов при этом не отменяет всего иностранного, наоборот, следует ввести более основательное изучение английского, французского и немецкого языков, так как с этими европейскими странами, а не с Древней Грецией и Древним Римом, Россия связана тысячею живых торговых, практических, литературных, научных, образовательных связей.

Не стоит замыкаться в себе, это приведет только к ксенофобии. Мыслитель пишет, что в 1850–60-е гг. гимназисты были любознательнее

выпускников учебных заведений Толстого-Делянова, так как выходили с некоторыми сведениями по новым иностранным литературам. В 1870-е гг. «знание литературы ограничивалось исключительно знанием отечественной словесности, без знания и даже без какого-нибудь понятия о таких образцах, которым наши отечественные писатели XVIII и первой половины XIX века подражали» [Розанов, 1901]. Корни нашей поэзии нужно искать на Западе, так «трудно понять истинные мотивы творчества, выбора фабул и избрания формы в лучших сочинениях» Пушкина и Лермонтова без знания трагедий Шекспира, романов В. Скотта и поэм Байрона, а Жуковский необъясним без Шиллера [Там же]. Последний год перед университетом должен быть посвящен изучению русской истории и литературы, древнегреческой истории и философии, римской истории, западноевропейский поэтов, так как учащиеся достигли определенного возраста, понимания и эстетического вкуса.

Нужно вернуть в школы дух русской природы, русский способ чувствовать и мыслить, который живет под корою новых впечатлений, навеянных «автомобильной» цивилизацией. Розанов указывает, что необходимо «возвышение авторитета школы, сближение ее с семьей, внимание к практическим нуждам жизни, к практической нужде самих русских, словом, разумная приноровленность, взаимная гармония между русской действительностью и тем, как и чему учатся русские дети, русские юноши – вот намечающаяся программа преобразования» [Там

же]. Важно не закрыть «от внимания государства и общества духовную и культурную сторону вопроса: как построить в России русскую школу, которая растила бы и возвышала дорогие черты русского ума и характера, русской души. Русский питомник русских душ – вот формула национальной школы. Думается, что этот питомник должен быть построен по преимуществу из русских материалов. Вот простая мысль, на которой основывается программная сторона наших пожеланий» [Там же].

Обсуждение результатов.

В. В. Розанов может быть впервые в России конца XIX в. обосновал идею необходимости научной разработки философии образования и воспитания. «Мы имеем дидактику и ряд дидактик, мы имеем вообще педагогику как теорию некоторого ремесла ли, искусства ли (внедрять данную тему в данную душу), но мы не имеем того, что можно бы назвать философией воспитания и образования, т. е. обсуждения самого образования, самого воспитания в ряду остальных культурных факторов и также в отношении к вечным чертам человеческой природы и постоянным задачам истории» [Розанов, 1990, с. 6].

Еще раз подчеркнем, что Розанов не замыкается в рамках своей национальной культуры, он просто говорит о том, что на Западе, например, давно существуют «прекрасные национальные школы», готовящие почтенных граждан своего Отечества, и это не является чем-то позорным или осуждаемым. Наоборот, такая школа закладывает фундамент для мощного и влиятельного государства, является его оплотом. Идея

национальной школы должна стать спасительной для нашего общества. Мысли Розанова о пагубном влиянии европейской культуры сегодня звучат пророчески, он утверждает истинно великую задачу «славянофильской идеи» по отношению к европейской культуре: «Продлить культурное существование человечества через отсечение славянского мира от очевидно разлагающейся культуры Европы» [Розанов, 1996, с. 181].

Заключение. Вновь обращаясь к нашему времени, отметим, что фундаментальным противоречием современности и одновременно главным вызовом человеческому сообществу в XXI веке выступает противостояние универсальных цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национальной культурно-религиозной идентичности – с другой. И потому вопрос о том, какими должны быть общественная мораль, законодательство, образование, культура, социальные отношения в России, есть вопрос о том, сохранится ли наша национальная цивилизация в XXI столетии, – найдет ли она достойное место в мировом сообществе наций. В связи с этим актуализируются проблемы самоидентификации России. Ведь без понимания того, что сегодня сфера образования – это сфера стратегических интересов сильного, суверенного, демократического Российского государства, нельзя быть цивилизованным и культурным обществом и противостоять всемирному неоглобализму, нивелирующему всяческие культурные различия. Самая главная проблема человечества – проблема его выживания на этой планете – будет решаться не

в сфере политики или экономики, а в сфере культуры.

Список литературы

1. Бауман, З. Ретропия / пер. с англ.; науч. ред. О. А. Оберемко. – Москва : ВЦИОМ, 2019. – 160 с. – Текст : непосредственный.
2. Розанов, В. В. «Я хочу быть русским!» / В. В. Розанов – Текст : непосредственный // Молодая гвардия. – 1997. – № 5. – С. 29–31.
3. Розанов, В. В. Сумерки просвещения. – Москва : Педагогика, 1990. – 624 с. – Текст : непосредственный.
4. Розанов, В. В. Собр. соч. Эстетическое понимание истории. Т.28. – Москва, 2009. – С. 619. – Текст : непосредственный.
5. Розанов, В. В. Нападки на идею национальной школы / В. В. Розанов – Текст : непосредственный // Новое время. – 1901. – 26 мая.
6. Розанов, В. В. Национальная школа / В. В. Розанов – Текст : непосредственный // Новое время. – 20 мая 1901. – С. 2.
7. Розанов, В. В. Около науки и университета / В. В. Розанов – Текст : непосредственный // Русское слово. – 1909. – 12 дек.
8. Розанов, В. В. Польза и слава России // Новое время. – 1901. – 1 июня. – Текст : непосредственный.
9. Розанов, В. В. Собр. соч. Когда начальство ушло. – Москва, 1997. – Т. 8. – Текст : непосредственный.
10. Розанов, В. В. Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе. – Москва, 1996. – Т. 7. – Текст : непосредственный.
11. Розанов, В. В. Собр. соч. Мимолетное. – Москва, 1997. – Т. 8.
12. Розанов, В. В. Собр. соч. О писателях и писательстве. – Москва, 1994. – Т. 4. – Текст : непосредственный.
13. Розанов, В. В. Собр. соч. Сахарна. – Москва, 1998. – Т. 9. – Текст : непосредственный.
14. Розанов, В. В. Собр. соч. Среди художников. – Москва, 1994. – Т. 1. – Текст : непосредственный.
15. Розанов, В. В. Сочинения. – Москва, 1990. – Текст : непосредственный.
16. Розанов В. В. Уединенное. – Москва, 1990. – Текст : непосредственный.
17. Розанов, В. В. Упрощение программ // Новое время. – 1915. – 25 марта. – Текст : непосредственный.
18. Розанов, В. В. Фундамент грядущей школы / В. В. Розанов – Текст : непосредственный // Новое время. – 1901. – 7 июля.
19. Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А. Н. Николукин. – Москва, 2008. – С. 31. – Текст : непосредственный.
20. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе. – Москва, 1999. – 532 с. – Текст : непосредственный.